

R. Mary

СЕМЕН КИРСАНОВ

**ТОВАРИЩ
МАРКС**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ · 1933**

**ЖЕРНОВАМИ ДУМ
ПОСЛЕДНЕЕ МЕЛЯ
И РУКОЙ
ДОПИСЫВАЯ
ВОСКОВОЙ,
ЗНАЮ,
МАРКСУ
ВИДЕЛОСЬ
ВИДЕНИЕ КРЕМЛЯ
И КОММУНЫ
ФЛАГ
НАД КРАСНОЮ МОСКВОЙ.**

В. МАЯКОВСКИЙ.

Как выхватить
из жизни —
жизнь
из памяти
из нищей?
Еще такую,
что — держись,
огромную жизнищу!

Как выразить
те этажи,
те сюртуки,
ту мебель,
места,
в которых ты не жил,
года,
в которых не был?

Как должен я
помолодеть,
строкой
в былое въехав,

как будто в мире
мало детств,
чтоб стать
моложе века?!

С утра,
ища громаду ту,
я в поезд строчек
впрягся,
я жду
у всех комендатур
и знаю:
выищу,
дойду,
добьюсь,
увиджу Маркса.

Кто пропуск даст?
Кто надорвет?
Кто впустит
без опаски?
Дежурь
у Троицких ворот,
у ГПУ,
у Спасских!

Дежурь,
хотя б и ночь и дождь,
жди,
у Кремля серея!
Но помни:
Маркса не найдешь
в картинных галереях!

Не он
 повиснул
 над столом,

 по скверам высится,
кто скульптором
 объизвествлен,
кто смазан
 живописцем.

Как вывести
 за гипсом
 жизнь
во всех
 ее дыханьях? —
чтоб посмотрел
 на коммунизм
его старшой механик.

Как отодрать
 навар холста,
чем клей годов
 отваришь? —
чтоб выглянул
 из-за пол-ста
огромных лет —
 — товарищ!

I

*Из красной Москвы —
в Париж прошлыекий.*

1

Москва,
Москва,
заблискал
асфальт,
по Тверской,
желтопуз,
пошел
автоб'ус.
Газетчики —
с ног!
Сбивают
с мостка:
— Журнал
«Огонек»!
Газета
«Москва»!

По Тверской —
облака,
плакат
на плакат — — —

ТЕМПЫ ВВЫСЬ!
ТОВАРИЩ,ШЕВЕЛИСЬ!

СТРАНЕ ДАЕМ
МЕТРО-КОРИДОР!

ПОДПИШИСЬ
НА ЗАЕМ!

ИДИ
В АВТОДОР!

ПОДПИСАЛСЯ ТЫ ЛЬ?

СДАВАЙТЕ УТИЛЬ!

СТОЯНКА ТАКСИ

МАГАЗИН
ТОРГСИН

Нервный
народ
на прицепку
прет.

ПОСТРОЙКА
МЕТРО

„КОММУНАР“

МОСТРОП

Сбивает
с ног
голосов
раскат:
— Журнал
«Огонек»!..
Газета
«Москва»!..

И...
как не было
Москвы,
и...
как не было
плакатов.
И...
других небес мазки —
улица какая-то.

Остров.
Река.
Собор в высоте.
Что за берега?
Не остров ли Ситэ?
Проулки.
Трущобы.
Колодою крыш
с карточки почтовой
сошел Париж.

2

*Не спутал ли я дат?
В какое попал когда-то?
В кармане — к Марксу мандат,
прошлый век — дата.*

Газетой
маша —
крик
малыша:
— Бери,
бери —
«Corsaire»,
«Charivari»!..
Отрывки
фраз
врываються
в день:

— «Journal
de France»!
«Nationale»!
«Quotidienne»!

Вывески,
шары,

Café

BOULANGERIE

СЕГОДНЯ БЕГА!!

PARFUM HOUBIGAN

Карет
поток,
гербы
по задам.

Institut de Beauté

**TAILLEUR
DES DAMES**

Толпа
у витрин
пялится
в щель.

THEATRE ST MARTINE
Сегодня — Рашель!

Швейцары
в дверях,
афиши
у стен.

На календарях —
— восемьсот
сорок семь...
Это я
пришел
за столетье назад,
товарищу Марксу
взглянуть в глаза.
Он здесь,
в Париже,
я знаю—в Париже.
Я должен
Маркса увидеть поближе.
Я командирован
рабочей семьей
в год
восемьсот
сорок седьмой.
Я должен ему
рассказать
о том, как
Марксов ум
отозвался в потомках.
Я должен ему
рассказать о том,
как домной становится
Марксов том.

Чутье,
говори же,
на след наведи-ка!
Слепящим Парижем
иду,
невидимка.

*На поиски Карла —
жуужжащим Парижем,
по улицам старым,
от копоты рыжим.*

Автомобилей

нет, —

они

еще не выдуманы.

Аргону

не синеть

у дома Инвалидного.

Еще

электросвет

не рвется в небо искрами.

И Эйфелевой

нет, —

она еще не выстроена.

Но так же,

как всхлынет`

через лет девяносто, —

Лувр подымается

справа от моста.

Смотрю

в берега

доминам

выросшим:

река — как река — —

Нева

ширше.

Столетие

скроется...

и я —

в Ленинграде.

Стою

на Троицком,

склонясь к ограде.

Надо
итти мне, —
ждет
масса
на заводе
имени
Карла Маркса.

Задача стиху.

Вот об этом
я должен
Марксу сказать,
не в награду ему,
не в лесть,—
я пришел
сказать
за эпоху назад,
что такой завод есть.
Если б путь до Советов
был прямой,
чтоб добраться
влёт или вплавь,
он бы сам приехал
помочь — например,
сталинградцам
драться за план.

Но я забываю,
что время — не пласт:
иначе
путь провели б,
и здесь
совсем не советская власть,
а какой-то
Луи-Филипп.

Но я
 в это время
 по должности влип,
 пришел
 дорогой безрельсовой.
 Иди,
 невидимка,
 бульварами лип
 и время
 строкою
 взрезывай.

4

Поиски.

Но где же товарищ?
 Выищи, где же,
 в каком переулке
 жительство держит?
 Где спорит,
 где бродит
 с Энгельсом об-руку?
 К какому району?
 К какому округу?
 У Маркса был
 мироздание ум,
 уйма ума,
 и если б не умер — —
 весь СССР,
 как студент МГУ,
 сдавал бы зачеты
 Марксовой думе.
 Мелькнула мысль —
 и полетел
 на рю Lepelletier.

*Может быть, как раз
 сейчас,
 светом карих глаз
 сочась,
 в переполненный зал
 говорит,
 отвернуть нельзя
 головы...*

Змея перил,
 в ладонь скользни!
Бегут
 ступни мои...
И зал наполненный
 возник
в конце перил-змеи.

До наших годов
 такое жуя — —
дожил
 ученый лакей буржуа.

А попробовать
рукой—
матерьялец
другой,—
значит,
творческий труд непосилен.
У финансиста —
в мозгу чисто,
кончики центров
взмылены.
Нервы —
мотками,
нежные
ткани,
и извилина
на извилине.
И даже волос фабрикантовых
вычески
не в силах затронуть
плебейский пот.
Из этого вывод:
физиологически
холоп
ниже господ.
Природа
мудро установила
и смертных
по-разному усыновила,—
чтоб группа одна
была у кормила,
а группа другая
ее кормила.
Поэтому
всякие бунты и мятежи
противны природе!..
Закончу на том я — —

Он, может, здесь,
в партийном кругу —
зовет
 к звезде,
к патрону,
 к курку?

*Туда, где трехцветный
флаг — шутиха,
иду к заговорщикам,
крадучись тихо.*

Маленький зал
 в зрачках побелел.
Виджу —
 расселись кругом
патриоты-мятежники
 из «Populaire»
и граждане
 из «Réforme».
Зазвенел колокольчик,
 и видно в щель —
выступить хочет
 некто в плаще.

*Руки наглухо скрещены,—
призрак тогдашней керенщины.*

Сморкнувшись
 в революционный платок,
в три цвета крашенный,
оратор низверг
 восклицаний поток,
что передать страшно.
Сначала он
 руками вертел,
глаза восторженно
 бегали те.
— Fraternité!
 Liberté!
 Egalité!

Засим Ламартин

зачитал три оды,
и председатель,
с табаком на губе,
позвонив в колокольчик,
сказал:

— Патриоты,
слово имеет
Этьен Кабэ.

Бархатный сюртук,
шляпа круглобелая.
Стакан поднес ко рту,
по лицам взглядом бегая.

В дерево кафедры старой
уперся пальцев корнями.

— Хотите страну
Икарию?
Есть —
у меня в кармане...

Вынул футляр.
В футляре — ларчик,
стелено травкой
донце.
На донце — страна,
деревца,
в калачик
свернулись домики.
Солнце.

Проход машине
 узок,
и шашки вверх —
 конвой.
И к стенам
 жмутся в блузах,
и ей вдогонку — вой...

Ей камнем в спину
 слово,
в металл —
 горшков герань:
— Постой,
 машина-сволочь!
Постой,
 стальная рвань! —

Голодный голос
 женщин
царапать воздух
 стал:
— И так живем —
 скрежещем...
Ууу, потаскуха,
 сталь! —

А руки
 ткацких чудищ
грозят,
 и крик вокруг:
— С работы
 выгнан будешь!
— Воровка наших рук!..

Но слишком
 блещут каски,
хлыстов
 свистящий хлёт...
Скелет
 машины ткацкой,
гремя, заполз за мост.

За нею — кареты:
 во фраках новеньких
катят парижских фабрик
 тузы.
Еще не ведая —
 это — виновники,
снимают рабочие
 картузы.
И снова
 шатаются с голода хижины,
Подожв деревянных
 стук да шлеп...
До этих кварталов,
 прибитых и сниженных,
Марксово слово
 еще не дошло.

7

А Париж
 флаконными гранями
обдыхает
 фиалками ранними.
Даже лавки
 с цветами оконными
показались
 духами флаконными.

Даже вывески
буквы на сетке
показались —
духов этикетки.

А из кафе
голос запел
в блестках вечерней поры:
«Мадам Жужу,
же не тужу,
же ль этуаль де Пари...»

Букет в руке,
стоит на носке
в блестках кофейной норы — —
«Мадам Жужу,
же не тужу,
же ль этуаль де Пари...»

*Отплыло кафе,
голосами жужжа.
И люди чужжи,
и песня чужжа.*

Я сам себе
кивнул:
— Идем! —
Копнул рукою детство.
Я ж так слышал
еще дитём
в шантане
под Одессой.
Витрины сыплют
ливнем бус,
браслеты,
перстни,
запонки...

Но если дальше
от Place de la Bourse, —
становятся
страшными
запах.
Хромой переулок
кривился за башней.
Низкий двор
шибанул собачиной.
Парень в блузе,
промаслен до пят,
сел.
у двора на стуле.
Сплюнет,
насвистывает —
и опять
после высвиста
сплюнет.

«Дочь финансиста
носит пух,
дочь финансиста
носит пух.
А ты от голода
опух,
ремнем затянут
черный пуп.
Э, ça ira, ça ira, ça ira!
Вогнать бы пулю
в финансистов...
Э, ça ira, ça ira, ça ira!..
тогда б и к нам
пришла заря...»

Лба

нахмурен мезонин,
руки в брючки.

Я — за ним.

Задышала булочная,
зачихала прачечная,
узость переулочная
уползает —

— мрачная.

Погребок

вином пахнул,
парень двинулся

к окну.

Парень — вниз,

в табачный дым,

я — за ним,

невидим.

О бутылку

кружкой чок,
пол сырой,

в окурках.

Сверху сходят

в кабачок
двое, в легких куртках.

Сели двое за вино.

Дым из трубок —

комьями.

У второго, —

хоть темно, —

а лицо знакомое.

Вспомнил
старый переплет
и страницы
веянье...
Пододвинул кружку,
пьет.
Неужели
Гейне?

Над кружкой
согнут,
рука
на груди:
«Nach Frankreich
zogen
zwei
Grenadier...»

Задымился столик
пищей.
Крикнул Гейне:
— Чернил! —
Попросил
бумаги писчей
и перо
очинил.

И пера
гусиный шелест
струйкой
строчек
течет...

И в беседу б
мог войти
про стихи,
про песни я, —
все же,
как там ни верти,
общая профессия.

Мог бы взять
письмо и стих:
— Поручи
безбóязно
в Брюссель
Марксу отвезти, —
буду
раньше поезда. —

Гейне глух
 к моим словам,
пиво в кружке
 стынет.
Там, где я,
 сквозит плывя
воздух дымно-синий...

Я снова шагаю
по гуду времени.
Товарищ — в Брюсселе.
Путь впереди.
Иди,
советской земли
доверенный.
Иди!

III

*Поторапливайся,
торопись!
Лиловее
рябь черепиц.
И звезда на прицеле.
Шорох. Темь.
Что за время в Брюсселе?
— Сорок семь!*

1

Дом.
Фонарь.
Сном
лоб окна
оваян.
Самый
простой дом,
нет обыкновенней.

Знаю:
Маркс тут.
Дверь его
недалека, —
стань
у ворот на посту,
поэт —
дней делегат.

Сверху шум
долетел слегка, —

*Довольно дико
быть невидимкой*

то ли книга
упала на пол,
то ли его рука
передвигает лампу.

Входи немедленно!
Ты послан с мандатом.
Тебя
сэсэсэрские
шлют города,
сказали:
— Поэт,
твой мозг — коммутатор,
в какие прикажем —
включайся
года! —
Включился в Брюссель
проводкой от мозга, —
собор присел,
лиловея громоздко.

*Тянет в щель
ламповой дымкой
Ступил на ступеньку
ногой невидимковой.*

От лампы свет,
уже на лоб
зеленый блик
налег.
Сюда пришедший
за века,
я не ищу
звонка.
Иду.
Детей не разбужу.
И дверью
в ночь не скрипну.

Иду.
Несу на абажур
командировку-
рифму.
О,
если бы
руку живую мне
и горло
из связок и мяс— — —
чтоб крикнуть,
от радости потемнев:
— Здрасте,
товарищ
Маркс!

2

*Подоконник. Шкаф.
Письменный стол.
Книги — сплошной стеной.
Ворох исписанных им листов,
и Маркс — ко мне спиной.*

Здравствуй!
Здравствуй!
По делу.
По братству.
От всех коммунистов Союза —
здравствуй!
От всех комсомольцев Союза сразу —
здравствуй!
От пионерской братвы глазастой —
здравствуй!
От меня, исходившего годы странствий,
здравствуй!
Я вошел,
не тронув ручки у входа, —
здравствуй! —
Из тысяча
девяťсот
тридцать третьего года.
Здравствуй!

Я проходил
 мимо Гамбурга дымного
и в веке своем
 невидимкой исчез,
из Орехова-Зуева,
 мимо Зимнего,
через кладбище Père la Chaise.
Я от севера,
 я от светлого,
от Луизы Мишель,
 от Свердлова,
от рабочих Магнитной,
 от негров Техаса,
от украинских горняцких масс,
от английских ткачей,
 от одесских акаций —
к тебе,
 товарищ Маркс.

Товарищ Маркс.

Ты не видишь меня —
 невидимку оттуда,
от тундры,
 от маршей советских отгуда.
То ходишь,
 то руки на книги навалишь —
чернобородый
 советский товарищ.
К тебе придя,
 я пришел домой —
и настежь глаза,
 и голос звенящ!
Товарищ
 мой,
товарищ
 наш!

Вот так и у нас,
у будущих русских,
гнутся у ламп
от партийной нагрузки.
Такая ж бумага
наискось брошена,
такие вот пальцы
ерошат взъерошенность,
такая же,
как под ладонью
у Маркса,
с наметками планов
бумага, в помарках вся.
Стоят в углу
мои стихи,
строкой
его лаская.
Лицо смугло.
Загар щеки
зачерчен волосками.
Но где ж
кремлевский телефон?
Звенит
звонок времен.
Он с нашим днем
соединен
проводкою прямой.
В другие дни
в другом краю
экраном
перед ним,
как телевиденье,
встают —
наш край
и наши дни.

Подошел к столу.

Озноб.

Стою — неловок.

Рядом он.

Похоже — лесовик.

Я не виден.

Книжка. Заголовок:

«Misère de la Philosophie».

Стой вот здесь

и дальше не ходи.

Фотолампой,

флаги, заалейте-ка!

Этой книгой

мир, как негатив,

был опущен

в проявитель диалектики.

3

Маркс

в работу

вплавился глазами,

все зрачки

за лампой проглядел.

Он для нас

столетним планом занят —

наших революций,

наших дел.

(Дверь — в движение,

кто-то

в капоте.

Это Женни

в комнату

входит.)

Вот этот —
сын юстицрата
из Трира,
где Мозель лепечет
струей в тиши, —
• миру раскрыл
историю мира,
как чудо Мозера
часовщик.
(Дети
в спальне
дышат
неслышно.
Женни
Вестфален
кофе
колышет.)
Из всех,
кто Атлантикой духа неся,
он первый из первых
вскричал:
— Земля! —
и компасом
лег
пароходного носа
этот,
лежащий здесь
экземпляр.
(Рукою
правой
Карла
распатлав:
— Поздно,
Мавр.
Не ляжешь
спать ли?)

Подмята книгой
Прудонova лекция.
Довольно плутать
в утопийском лесу!
Сражение!
И сталкивает
диалектика
две силы,
два класса
лицом к лицу.
(Мыслей
жжение —
сон прочь!
— Разве,
Женни,
уже ночь?)

А войны,
которыми
нации крысятса,
и этот порыв
к наживе и выгоде,
и эта безвластица
взлётов и кризисов —
есть
человечьей истории
двигатель.
(К себе
зовет:
— Спасибо,
подруга!
Пишу.
Да вот
без Энгельса
туго.)

Буржуазия
росла,
толстела,
в алмазы гранила
рабочий пот.
Но в самой крови
капиталова тела
растет могильщик —
ее антипод.
Вставали купцы,
феодалов отталкивая,
но день революции — — —
день суда:
последний класс
в последней атаке
покончит с классами
раз навсегда.

*Больше часа
нет подруги.
На книги ложатся
Марксовы руки*

Не пишется Марксу.
В думе застыл.
Ламповой
яркостью
залит стол.
Бумаги
смёл,
одной не трогая, —
это — письмо,
строки
строгие.
Письмо из Лондона.
Вижу ясно:
«Союз коммунистов,
штаб боевой
оповещает гражданина Маркса,
что против него —

примут дальнейшие меры, если
манифест коммунистической партии,
составление которого он взял на
себя, не будет доставлен в Лондон
в срок...»

И в бархат потертый

спину вкреслив,

товарищ Маркс

напряжен и строг.

Молчит,

рукой проводит по гриве.

Застыли звезды

чужих небес.

Лежит, не окончен,

как стройка в прорыве,

«Коммунистический манифест»...

*Рядом — никого,
Фридриха нет,
Хоть бы кивок.
Хоть бы совет.*

Разве только Лондон

«Манифеста» требует?

Небоскребы писем

завалили стол,

в комнату врывается

тысяч писем трепет,

миллионы

криво нацарапанных листов.

Это все подполья,

Пятый год, предместья,

все маевки,

сходки,

будущий Октябрь —

требуют у Маркса

руководства к действию,

вихорь этих писем

комнатой крутя.

Маркс
 черкает строки
 и руку торопит,
 и строчка на строчку
 нанизана:
 «Призрак
 бродит по Европе,
 призрак
 коммунизма».

Призрак
 ближе,
 грозя
 Гизо,
 а Энгельс
 в Париже
 перед грозой.
 Как в недрах
 Истпарта,
 в шкафу бельевом
 нежно
 спрятан
 портрет
 его.

Вынул Карл
 из ящика
 лист,
 протертый временем,
 смотрит
 на приказчика
 фирмы
 «Энгельс — Эрмен».

Друга
 не теперешнего
держит Карл
 в руке —
в брюках
 цвета перечного,
в сером сюртуке.

Рейн
 катил грудастые
перекаты волн.
Фриц
 зашел в редакцию,
проезжая
 Кёльн.

*Вынул платок,
 чтоб лицо протереть,—
в Марксовых пальцах
 светлеет портрет.*

Встретились,
 поссорились,
разошлись
 тогда,
говоря
 по совести,
ледяное льда.

А потом —
 о, Фридрих! —
жмет
 ладонь — ладонь,
дружбы той
 не вытряхнуть,
не разлить
 водой.

Я тут,
 у кресла,
 у куртки Карловой,
 у запонки самой
 стою.
 У слов, грозящих
 партийною карой,
 я понял
 жажду твою.
 Я знаю друзей
 в другом поколении,
 рождение их
 впереди...
 Ты слышал имя —
 Владимир Ленин?
 Он может
 сюда притти.
 Пусть годы
 непроходимей лианной зелени,
 и к нам не продрасться
 дремучей листвою, —
 все же
 ты —
 товарищ Ленина,
 Ленин —
 товарищ твой.
 В изгнании,
 в ссылке
 он думал
 про то же.
 Он эти
 посылки
 возьмет
 и продолжит.

*Между Марксом и Лениным
 провода нить,
 и медные строки
 над временем длятся.*

*Поэзия!
 Прошу соединить
 18-47
 и 19-17.*

Снежная ссылка
 в селе Шушенском.
С Лениным
 силы класса растут.
Он у тебя,
 товарищ,
 учится
революционному
 мастерству.
Учась у тебя,
 подымает и учит
людей,
 сгибающих в труде горбы:
— Пора разогнать
 самодержавные тучи
солнцем
 рабочей борьбы!
И книги твои,
 где судьбы
 разгаданы,
приказом ленинским
 приведены,
и лягут заглавия их
 баррикадами,
и встанут слова —
 людьми.
За пестрыми флагами
 империалистов
он видел
 торгашеское хамьё.
Не только
 историю
 перелистывал,—
руками путиловцев
 делал ее.

Да что
доказывать!
Верно, знакомо
Марксу
имя
предсовнаркома.

Но я забываю,
что в этом веке
еще
не слышали
о том человеке.

Ленин
еще
не родился
в Симбирске,
еще
не пришел
номер
«Искры».

*В комнате голос.
Спокойный. Тихий.
Я слышал его
с граммофонной пластинки.*

О, как я хотел бы,
чтоб Маркс
узнал,
как эта фамилия
всем врагам,
всем тунеядцам
была грозна,
и всем рабочим
была дорога!

Но я не могу быть
 услышанным
 им,—
 не движутся
 губы
 по мыслям
 моим.
 Качается
 комната,
 а Карл
 непоседою —
 ходит,
 о ком-то
 с кем-то беседуя.
 Я вижу
 по жестам,
 по речи,
 по мимике
 (воображение ль
 бредящее?),
 как будто
 кроме меня — невидимки —
 в комнате Маркса
 третий еще.

6

Яснее яви
реальной зрения:—
двое.
Смотри и зрачки увеличь.
В комнате
— в ламповом озарении —
Карл Маркс
и Владимир Ильич.

И вправду.
 В кресле,
 слегка лукав,—
 тот,
 чьи январские
 помнятся провода.
 Ленин.
 И в руках
 экземпляр
 «Правды».

Смотрит на Маркса,
Маркс — на него,
как будто встречался
с ним над Невой.
В простом пиджаке,
с митинга лишь,
пачка книг,
ремешком опоясанная.

— Да,
Владимир Ильич,
положение
ясное.

Нельзя ни на день
восстанья откладывать,
ни в коем случае
оружья не класть.
Верно, Владимир Ильич,
25-го

надо
брать власть. —

Ленин
в волненьи,
слегка побледнев,
рукой оперся
о подбородок.
Решают вопрос
о первом дне
после переворота.
— Как удержать
добытую власть? —
Уселись
декрет разрабатывать
рядом.
В обоих умах
земля поднялась

*Не говорите: «Да ну!» —
или: «Полноте!»
Октябрьский канун
в Маркса в комнате.*

в тисках
диктатуры
пролетариата.

Развинтить
таких тисков —
никому
не смéется,—
это
утром на Тверской
шаг
красногвардейцев.

Это
ясный блеск
штыка,—
«Дням»
не возвратиться,—
это
в здании ЦК
голоса
партийцев.

Не вернуть
врагам житье,
власть,
поместья,
банки,—
им разбиться
об утес
на Большой Лубянке.

Это знак —
 винтовку вскинь,
в бой
 за власть Советов,
и мои
 стихи-тиски
диктатура эта.

И над «Манифестом»
 склонились оба,
чтоб дни революций
 на мир надвигать,—
прищуренный Ленин
 и высоколобый
черноволосый гигант.
Оба они
 прозревали в Москву,
в дни поражений,
 в века побед,
в марксово-ленинском
 общем мозгу
строилась
 в звенья
 ВКП(б).

7

Звезды
 иглятся.
Поздний час.
Звезды
 какой страны?
Карл
 спрашивает Ильича:
—Что ж это
 нет остальных?—

Струйка рассвета
 стала виться,
снизу
 скрипнули половицы.
Всходило над миром,
 глухим и убогим,
утро —
 совсем из другой эпохи.

Над домом
 рассветная полоса,
под домом
 знакомые голоса.

Шагами друзей
ступеньки сосчитаны,
и Энгельс в дверях
шарф развязал.
За ним — товарищ
в шинели защитной,
в фуражке,
надвинутой по глаза.

Вошли,
 поздоровались, —
видно,
 с дороги лишь,
поставлен к стене
 чемодан с вещами,
и папку с отчетом
 Сталин
 берет.

Я понял:
тут созвано совещание
необычайного
Политбюро!

Стоит
на повестке
разбор
и проверка
работ
советских
вперед
на полвека.

Развешаны карты,
плакаты,
выборки,
проценты прироста
встали горой.
Ленин
показывает Фридриху
осуществленный
план ГОЭЛРО.

И первый голос
с крайнего места
слышится,
тверд
и неласков:
— Итак,
о последней главе
«Манифеста»,
насчет
ликвидации
классов.—
И в комнату
воздух сегодняшний
движется —

Кремль,
Метрострой,
Ангара,
пески...
И вынул Маркс
записную
книжицу,
и Ленин
приготовил
листки.
Я, может,
мешаю?
(Куда себя деть?)
По взглядам
собравшихся
ясно:
поэзия
может
присутствовать
здесь,
и даже больше —
обязана!

Утренний ветер
в окна
подул,
листок
со стола
украив.
Бьют
часы
на Eglise de Goudoul —
четыре часа
утра.

Мои стихи
 ветерок прочитал
и понял
 что это — так...
фантазия,
 грёза,
 стихи,
 мечта...
но история
 скажет:
 — Факт.

III

1

Родился Маркс.
 Как дым на полигоне,
 качнулся Трир.
Еще томясь
 мечтой в Наполеоне,
 жил миром мир.

Качнулся Трир,
 и трижды воды Рейна
 шепнули:
 «Карл!»
И Генрих Маркс
 сидел в кругу семейном,
 дитя ласкал.

И в трирских дней
 полусредневековье,
 как взмах весла,
сквозную свежесть
 крови родниковой
 семья внесла.

Не ветвь
 генеалогии старинной
 под шум веков —
не эти
 поколения раввинов
 несли
 ту кровь.

Несли ту кровь
 не на гербах затейных — — —
 как равный пласт —
тогда ж
 в страданиях
 ткацких и литейных
 рождался
 класс.

Трир отражался
 митрою от Рима,
 крестами кирх,
но эта тьма
 проскальзывала мимо
 глаз
 молодых.

И юный Карл
 к экзаменам готовил
 листы труда,
что людям
 предопределяет подвиг
 век и среда.

Еще кружила
 юность-озорница
 над головой,
когда сверкнула
 эта мысль-зарница
 в ум молодой.

Вскипает Пфальц.
 Он был одним из первых,
 где грянул звон.
И адвокаты
 Вирт
 и Зибенпфейфер
 на гребне волн.

И мастер щеток
 Беккер
 едет в Гамбах,
 но бунт
 разбит.
И Генрих Гейне
 в первых вольных ямбах
 уже язвит.

И Карл мужал.
 Высокий и веселый
 и черный
 весь,
он пишет вирши
 у порога школы
 и кипы
 пьес.

Он начинает.

Лишь промчится лето,
и скоро — Бонн!
И скоро
стены университета
увидит он!

Его уму
такая ширь открыта
со всех боков,
он Эпикура
кроет Демокритом,
казня
богов.

Он скоро
в первых искрах
телеграфа
тех новых дней
обнимет
Энгельса и Фрейлиграта
всех дружб
тесней.

Живая кровь —
сквозная свежесть мира —
в рожденный
класс,
как Мозель в Рейн
у узких шпилей Трира,
перелилась.

И скоро классу
 вырастив легенду
в явь
 всех эпох,
он крикнет:
 —Proletarier aller Länder,
vereinigt euch!

Ночной Брюссель.
 Маркс из Парижа выслан.
Зима. И вот —
в пивной,
 где кружкой вывеска повисла,
доклад его.

Он собирает выписки,
 примеры
для тех бесед,
и Женни машет
 вслед ему у двери
в вечерний свет.

*Вечер январский.
Еще темно.
Я, невидимка,
иду к пивной.*

2

Кёльн,
 клен,
 клен — — —
зазвенел
 дверной колокольчик.
Тут
 пень
 пен — .
это пиво
 в кружках клокочет.

Тут
тик-
так—
расписные часы
заболтали.
— Gu-
ten Tag!
Tag! —
говорит хозяин
Bierhalle.

В пивной
тепло,
она — дупло;
у стойки
пьют
из кружки
в пуд.
С сапожным
схож
запах кож,
в ноздри —
клей,
хозяин
на лесенке,
пар
на стекле,
входят ремесленники.

Об чем разговор?
Лица обветрены,
от дыма трубок
сизо.

— Бьюсь об заклад!
Полгода — и Мёттерних
сверзится
вместе с Гизо. —

Плотник допил
кружку дотла,
пену с губ
смазал.

*Я тенью сел
на консервный ящик, —
сед и глаза вперед.
И входит в пивную
народ работающий
из «Deutscher Arbeiter Verein».*

— Когда же,
Готфрид,
начнется доклад
гражданина Маркса?

— Ровно в восемь.
Ждать — пустяки!
И шопот
у крайнего столика:
— Хочешь,
Готфрид,
послушать стихи?
Вчера написал только. —

В тетрадке
готических букв
закорючки,
две кружки
кельнером поданы,
и руки
вытянуты за кружки,
и шопот:

«СЛОВО О РОДИНЕ»

Далекий Кёльн, широкий клен, родные колокольни,
моя вам песня, мой поклон, о дом, стоящий в Кёльне!

Но не дворцам моя строка, не поля господину,
а тем, кто стал у верстака, свою согнувши спину.

Кто тащит плуг, кто у станков стоит, богатым нанят, —
букет пунцовых роз-стихов вам шлет поэт-изгнанник.

Давно пора! Мы долго ждем. Земля чужая давит.
Когда же сабельным дождем вы двинетесь к заставе?

Чтоб встретить нас и нас обнять, откройте дверь скорей нам,
чтобы не мачеха, а мать накрыла стол у Рейна.

Чтоб эта новая весна, в которой все сольются,
всем нам в подарок принесла с десяток революций».

*И тут поэзия
бьется бок-о-бок,
как песня винтовке
в помощь в окопах.
У нас встречают
стихи в штыки,
читают —
в торжественном случае,
а знаете:
Маркс
любил
стихи,
не отрывался,
слушая.*

— Ну, как?
— Ничего...
Запыхтела трубка.
У столика
одобрительный гуд.
Поэт посмотрел —
собралась группка,
и слышно:
— Bien!
— Хорошо!
— Gut!..

Маркс
уже на улице,
около
видно его
в запотевшие стекла.
Пальто не застегнуто,
чернобородый,
дверь открывает —
много народу!

— Добрый вечер! —
Задвигались стулья,
столики — в сторону,
стынут, пустуя.

*Колокольчик задинькал
тише и легче.
Я здесь — невидимка,
слушатель лекций.*

Стол,
перед Марксом
огарок
оплывший.
Жмутся стульями
к Марксу поближе.

Замолкли,
слова утратив.
только
шуршат тетради.
Даже хозяин
багровоносый
застыл,
забыв ладонь на подносе.

И ясный голос
по лицам пронесся,
пронесся,
донесся:
—Итак,
Genosse...

Высока голова
над шириною плеч,
лучатся слова,
и светится речь.
Стовольною речью
лучища разветвив,
стоит
человечьим
источником
света.
И смуглость лица,
и широкая смоль,
и черный сюртук,
обшитый тесьмой,
но общего нет
с музейной картиной, —
тезисы
держит его рука, —
и это
лектор школы партийной,
пропагандист
тов. Карл.

Слушай и ты!
Стой, не дыши!
Глаза остры,
как карандаши.

Груд и Капитал.

Вечер. январский,
 тучей не хмарься,
слушай Маркса,
 смотри на Маркса.
Стовольтным огнем
 озарялась тогда
сила
 накопленного
 труда,
господство
 блистающих
 сейфовых недр,
империя акций,
 власть кассы;

— Что такое
 невольник
 негр?
Человек
 темнокожей
 расы.
Одно объясненье
 другого стоит.
Негр—
 есть негр,
 говоря о любом,
и только
 в определенных условиях
становится негр
 рабом.
 (Слов
 сноп
 в глаза
 впечатал:)

и я получал
на издержки свои,
то есть
картофель,
лачуга и воздух...»

Голос Маркса —
в темень проэктор,
озарена лачуг нищета.
Я мысли вижу
того поэта,
который о Кёльне
стихи читал:

«Когда работал я ткачом, давненько, в Билефельде,
был заработок неплохой, к столу и хлеб и сельди.

Конечно, из своих щедрот хозяин слал гроши нам.
Но как-то утром на завод приехала машина.

Пёр
пар,
выл вар,
шел
шелк
сквозь вал.

Хотя я понял хорошо — машина неповинна,
но плату скинул фабрикант ткачам наполовину.

Был упрощен рабочий труд, стой и крути колеса,
и дети стали урывать работу из-под носа».

В дым,
в темень
мчит сталь.

Сын
в 7
стар
стал.

Но вот расцветы
мутнеют застоями,
у фабрик
захлопываются ворота,
все алчней
рвут
прибавочную стоимость
фабриканты
у рабочих изо рта.

Вот у соседа
лицо угрюмое,
засыпанный светом
рабочий думает:

«Десять лет
тому назад,
в Берлине
на Веддинге,
с края,
была у меня
(позабыть нельзя)
пуговичная
мастерская.
Пять станков,
пять токарей,
на вывеске
фирма буквится.

но часто
 банковский крах
напоминает
 о смерти.
Выходят за край
 товаров потоны,
и паводки кризисов
 близятся,
и тащит
 с собой
 капитал гекатомбы
рабочих,
 гибнущих в кризисах.
Это рассказывает
 Маркс,
над миром слушающим
 высясь, —
и выплывает
 в глазах у нас
сегодняшних лет
 кризис.

*Голодные дети
 к витрине прилипли.
Кафе.
 И голос в бархате труб:
— Schlaf, mein Liebling,
 schlaf, mein Liebling!
(Пронесут блюда
 под цокот румб.)*

За окнами
 ночь Берлина,
асфальты
 сходят с ума,
сияний ночных
 белила
наведены
 на дома.

На каждой витрине
 кризис:
20% цены.

Замазала стекла
 известь,
и вывеска —
 вон со стены.

У стекол —
 безработный
 с плакатом белым,
 и на плакате:
 «Подайте хлеба,
 Arbeitslos!..»

Машины
 шурша проходят,
 и световые
 с реклам «ODOL'я»
 сползают слезы.

На кухне —
 счетчик газа.
 Закрыты окна.
 У сковородок.
 Стальная ручка—
 два поворота...
Застыв —
 ожидают мосты.

Кризис —
 не дымящие трубы.
Кризис —
 рестораны пусты.
Кризис —
 пересохшие губы.
Кризис —
 ожидают мосты.
Круги —
 под мостами реки.

Берлин

каллиграфией света

разоткан,

но в этом квартале

свет маловат.

В пивнушке

сегодня

рабочая сходка, —

слушают Карла,

к голове голова.

В этом квартале

Берлин вытлел.

На доме кирпичном,

голью заселенном,

вместо коричневого:

«Hoch Hitler!» ---

висит кумачевое:

«Wählt Thälman!»

Безработный,

отчаясь

за службой в охоте,

сюда заходит.

Со скамьи подсудимых,

из зала суда —

заходят сюда.

Рабочий,

уставший за день на заводе,

сюда заходит.

И я, по ведущим

от Маркса следам,

вхожу сюда.

Глядят на докладчика,

взглядами выгорев:

— Почему не упрятаны
наци в тюрьму?
Почему КПГ
потеряла
на выборах?
Почему?
Почему?
Почему?
Встал.
Заплата на сапоге.
Грязью улиц
сапог забрызган.
Товарищ
из КПГ
разворачивает записки.

Вопрос:
«Да как же
справиться с наци?
У них винтовки
и сотни рот».
Ответ:
— Соединяться
в антифашистский
фронт!

Вопрос:
«Фашистами
заняты улицы.
Как напор
фашистов уйдем?»
Ответ:
— Революция!
Deutsche Sowiet Union! —

И вспыхнуло зная
 над сотнями лиц
и развернулось вширь.
И песня ударила:
 «Links, links!
der rote Wedding
 marschiert...»

И песне дано
 далеко прокатиться
Берлином
 вперегонки,
и блещут
 в глазах пропагандиста
Марксовы огоньки.

5

Похоже:
 в пивнушке,
 до ясности близкий,
Маркс
 пересматривает записки.

Вопрос:
 — Скажите, товарищ лектор,
как выполняется
 пятилетка? —

*Внимательно слушая,
 люди сели,
в Карла
 зрачки вонзя,
минуту ж назад —
 это было в Брюсселе
лет восемьдесят назад.*

Не выдержу дольше.
Глазами светя,
чувствую —
 должен
выступить я.

Десять стран
 стоят, ощерившись,
стран наживы
 и ярма,
но они
 стоят на шереше,
а вокруг горит-гормя.

Пушки выпятив
 оружие,
притаился враг
 за рвы,
но уже
 блестит оружие
у таких, как вы.

*Я говорю
 про самое лучшее,
что есть
 у поэтов
 любых времен,
и чудится —
 Маркс
 приблизился, слушая,
и видит сегодня
 в слове моем.*

В той России,
 где сейчас еще
степью клонится
 · КОВЫЛЬ — — —
станет труд
 огромным счастьем
для таких, как вы.

Там, где мир
 затоптан дочиста,
будут войны
 велики,
и цветам
 расти захочется,
где пройдут
 большевики.

Я говорю
на самом ли деле,
может быть —
сам с собой,
может — в Берлине,
может — в Брюсселе,
но это
все тот же
бой...

Это будет
через лет
этак восемьдесят пять,
сквозь листву
осенних веток
это станет проступать...

А там —
закидали вопросами Маркса.
Он вышел,
и ветром шляпу снесло.
То
северным вихрем
с запахом Карска
подуло
с моих несказанных слов.

Я говорил
не увиденный,
зная,
что Марксу
и всем остальным
в двери пивной,
как выюга сквозная,
прошелестело
широкое знамя —
знамя
моей
страны.

IV

На данном отрезке
времени,
как говорят
в статьях,
хочу говорить
уверенней,
сердца не остудя.

Но я не хочу по-творчески
кудрявить образов прядь.

Нет,
я хочу по-спорчески
за пуговку
песню брать.

Пускай
она будет понята,
без биографической
лжи,
как понята мною
комната
где Маркс
работал
и жил.

2

Вышел Маркс
из комнаты
на какой-то
голос;
темнотою
омутной
комната
наполнилась.

Из щелей
из илистых,
из туманной
затени
человечки
вылезли,
ростом —
с указательный.

Головы —
 как луковицы,
желтенькие
 гномики
залезают
 в рукописи,
в труд по экономике.

Пригляделся
 к личикам:
сюртучки
 и каски;
ползают
 по листикам
Гильфердинг
 и Каутский.
Бернштейн
 царапается
с тихим
 писком,
и резинка
 в пальцах —
для подчистки.

Сон омерзительный
 в темноте кошмарится,
разве что у Гофмана
 похожие сказки:

*И у угольных дыр,
заполняя ходы,
забастовщиков
 гробя колонны,
разгоняя вразброд
забастовочный фронт,
под охраной
пошли стачколомы.*

— Мы сейчас
 подчистим,
 выправим Маркса!..—
с ножичком
 в ручке
 попискивает Каутский.

По Марксовым
тетрадам
ползая
руками,
карлики
крадутся
шагом
тараканьим.

— Где это
у Маркса
слово «диктатура»?
Вписывай:
«свобода»,
«демократия»,
«культура»...—

*И желты и дурны,
разбрелись колдуны,
рenegатское зелье
поваривая,
и расстрелянный лоб
бледнотю светло
в упавшей Советской Баварии.*

Лезут лилипутики
на стул со стула,
шепчутся над книгами,
в тиши колдуя.

Каутский
заботится
о племени
пигмеевом:
— Насчет
безработицы
выправить
сумеем мы! —
Эту фразу
продолби,
Вандервельде,
лазай, —

«За»
проголосовано —
(военные кредиты),
в тысячи кино
взкранено:
десять миллионов
на фронтах убито,
двадцать миллионов
вранено.

вместо
классовой борьбы
«сотрудничество
классов!» —

Вандервельде
мечется —
переделать
Маркса — —
в защитника
отечества,
в доблестного
Марса.

Каутский —
червём:
вынюхать,
вызнать — —
нет ли
чего
против большевизма?
Напустили
вони,
шепчут
без стыда:
— Будут
довольны
наши
господа! —

Рой лилипутов
по книгам
ползает.
— Маркса,
запутав,
можно
использовать... —

Шум шагов
 раздался
 в прихожей,
подернул
 лилипотов
 мороз по коже.
Затихли,
 притаились
 (кой-где полевев),—
в комнату рассветшую
 вошел Гулливер...
Пряча под полами
 том украденный,
впихивая
 в рукава
 тетради,
к встрече
 приготовились
 ренегадины,
высунув
 двуиглые
 жала демократий.

3

Взглянул великан —
 на столе замелькало,
вот-вот
 перелезет
 на руки.
Важно озирая
 великанного Карла,
воинственно
 позируют
 карлики.

Маркс
 удивленные
 поднял плечи:
— С чего это
 в комнате
 такая нечисть? —
Взял
 на палец
самого
 старшего.
— Откуда
 вы взяли? —
начал
 расспрашивать.

Каутский
 с пальца
 грозно затыкал:
— Мы ревизия,
 мы с поправкой!

Бернштейн
 свистнул:
— И мы —
 марксисты.
С капитализмом
 нельзя ль полегче-ка?
Скажите, Маркс,
 как философ истый,
на что это вам
 сдалась диалектика?

Мяукнул Шейдеман

с самого низа:

— Хотим,

чтоб Маркс,

но без коммунизма!

Затем,

нельзя ли

из «Манифеста»

насчет революции

вычеркнуть место?

Эберт взвыл:

— Решайте добром:

портрет

в социал-демократической прессе.

А если нет, —

людей подберем

и примем меры

вплоть до репрессий! —

Кровь

к рукам предателей

липнет,

всеерьез

блеснула угроза.

Выстрел в спину —

падает Либкнехт,

пуля в затылок —

Роза.

4

Казалось — просто

использовать ноготь,

но карликов

россыпь,

карликов много.

Пошли

по кругу,

бегут

рукавами

и Карлову

руку

к столу

приковали.

Для переговоров
 послали Цергибеля.
Лезет Цергибель
 по ножке
 к столику.
— Послушайте, Маркс,
 из общей прибыли
мы вам ассигнуем
 немалую толику! —

Он видит,
 как этот
народец
 продажен...
Не взяли
 монетой —
пошли
 абордажем.

Мне гадко
 от жадной толкущейся
 сволочи —
вцепились
 Марксу
 в куртку и волосы.
У желтенькой
 сволочи
дело
 спорится, —
гвоздями
 волосы
прибили
 к «Форвертсу».

Уже не комната это,
а город,
гудит,
ворота площадей отворя,
и это не Маркс,
а на гвозди наколот
предательством
скованный
пролетариат.

*В туго стянутой лжи
Гулливвером лежит,
прямо жилы
от ремней вспухли,
в рот — затычка газет,
и эсдеками вздет
на колючки
«свободных республик».*

Как будто никто
не приблизится даже,
рук не раскрутит,
ремней не отвяжет.
5

Казалось,
что дальше
все туже и гаже.

Но час
надвигается
роковой.

С востока — шаги,
как будто
под каждым
взрывается
погреб
пороховой.

И в гномьих рядах
зашуршала
сумятица,
из желтых редакций
предатели пятятся.

С Востока
запахло Смольным,
таежным
и смоляным, —
зарницы и блеск
пулеметных молний
мерцают,
отдалены.
Снизу пошло
и помчалось в верхи
страшное слово:
«большевики».
Каутский мечется,
рот отвис,
за руку Гитлера
схватился, цепкий.
Шагнув берегами
Рейнов и Висл,
шла на пигмеев
Марксова мысль
в задымленной порохов
ленинской кепке.

6

С такой саранчой
не справишься сразу, —
пигмеи в блиндажах
засели, грозя;
у них орудья —
газеты-газы,
обволакивающие глаза.
Но в практику боя,
в ружейное клецанье —
тем, кто еще
корпит в темноте,

по-ленински
 светит теорией классовой
миллионорабочий
 Маркс — Коминтерн.

Я невидимка,
 простое слово,
стою —
 далеких времен слюда.
А Маркс,
 наверно, сейчас в столовой,
и думаю —
 скоро войдет сюда.
Денек холодный
 улице выдался,
и ветер воет в дому.
Кому этот сон
 фантастический виделся —
поэту или ему?

V

1

Ветер
с курьерским
тепла привез,
с сосулек
каплями свесясь,
в свистящий
морозами
месяц нивоз
вошел
жерминаль месяц.

У Маркса в доме
весна
прибрала,
раскрыла окна —
погода —
двадцать
четвертого
февраля
сорок восьмого
года.

*Порассыпал дождик
никельные капельки,
и по лужам гвозди
шлепаются шляпками.*

*Солнце не слукавило,
дождик накренился
и по окнам Карла
проблистал карнизом.*

Разбрызган Брюссель.

Зашатался, бурля

тысячью

праздных походов — —

двадцать четвертого

февраля

сорок восьмого

года.

Щеголи

с лоском

подходят

глазеть,

нет ли

в киосках

парижских

газет?

Так уж

положено, —

дым

колыша,

поезд

должен

притти

из Парижа.

Конечно,

придет,

колесом

залопочет,

придет —

привезет

парижскую

почту.

Я у киоска.

*Может, встретимся
с кем-нибудь*

из московских ребят?

Но «Правда» выйдет

лет через 70,

другие обложки

в киосках рябят.

Кружком припечатав
французскую марку,
конверт
чиновник повертит.
«Доктору
Карлу-Гейнриху Марксу» —
может стоять
на конверте.

Ждут на вокзале.
Стрелки сведены,
не машет
платок дымовой.
И нет
ни газет,
ни почты,
ни сведений,
ни поезда самого.

Не видно
поезда,
вагоны
не едут,
и кой-кому
боязно,
что поезда нету.
У тех, что приезжих
ждали с цветами — —
завяли цветы,
не дождавшись свиданий.
Родители
дочку ждут на каникулы,
а дочери нет — —
головами поникли.
Ходят по станции:
— Что за странности?

Время тянется.

Что ж это станется?

ЗВОНОМ

час

Близится

нету

Стало темнеть.

Ни сведений нет,

2

на лету,

от. Rue de l'Etuve.

блужный народ

or St. Jose-ten-Noode.

ведущ

Он на виду.

пальто — нараспах,

нетерпением томясь —

по бульвару Анспах

и Женни Маркс.

Толпы
люда
скрипят
дверями:
— Вам
оттуда
нет
телеграммы? —
Подходят
поближе
к рельсам
самым.
Что
с Парижем?
Где
телеграммы?

Бледнеющий,
шел,
с тревог
одурев,
французский
посол
при бельгийском
дворе.

Полосы
по небу,
вечер
начат.
— Это же
что-нибудь
может
значить! —

Блузник
 вогнал
слово
 колющее:
— Это —
 она!
(Она —
 революция!)
Наверное —
 влип,
потерял
 шапчонку
Луи-
 Филипп
у народа
 в печонке!

Вечер.
 Толпа.
Ждут
 на вокзале.
Маркс
 у столба.
Ему
 рассказали...
В пальто,
 запахнутом
 наискось, наскоро,
смотрит на насыпь
 долго и ласково.
По этой насыпи
 грохотом эха
в Брюссель
 революция
 может приехать!

И с неба,
в разодранных тучах, из дыр
смотрят
тревожные две звезды.

Едет, едет
паровоз,
паровоз
едет.
С неба светит
пара звезд,
пара звезд
светит.
До Брюсселя
сорок верст,
сорок,
сорок...
Поскорее бы
довез — — —
скоро,
скоро!

Не видно ли поезда
в рельсовых сумерках?
К дрожащему сердцу
рука прилегла.
Так Ленин
до полночи
в комнатке Цюриха,
волнуясь,
ждал в феврале телеграмм,

*Маркс
ждет
в световой полосе.
Свет
желт.
Вдалеке Виленсьен...*

сильнее в мире
 нагрева —
 из слов человеческих
 лучшее — —
 схватить!

Светит с неба
пара звезд,
поезд
мчится.
Только-только
сорок верст...
тридцать,
тридцать...

[112]

На дворец!
Портьеры роз
сабли
встретят...
Едет, едет
паровоз,
паровоз
едет.

И Маркс шагает,
не в силах выдержать,
не в силах
еще ожидание длить:
«Да ну, покажись наконец-то!
Выйди же!» —
и ищет
дымок синеватый
вдали.
Так мы
у себя,
в Москве,
ежеутренне
бросаемся
к первым дымкам газет —
Когда же Париж?
Когда же
пройдут они
красногвардейцами
по Элизе?!

До Брюсселя
только десять
или
восемь.

Той минуте
 ровно месяц,
длинная
 очень,

страшно
 длинная
 минута.

Кто бы
 выждать мог?
Но как будто,
 но как будто
вдалеке —
 дымок...

Он стал,
 бледнотю газовой
 залит.
Я рядом с Карлом
 стою на вокзале.
Ей —
 через минуту
 взгудеть
 и притти.

Я жду революцию —
 ту,
 что сегодня
придет
 с подписями
 Кашен и Марти,
советское знамя
 над Францией
 подняв!

Едет, едет
 паровоз,
паровоз
 едет.
Светит с неба
 пара звезд,
пара звезд
 светит.
Паровоз
 едет слепо,
пара звезд
 светит с неба.
Паровоз
 слепо светит,
пара звезд
 с неба едет.
Долетает
 тихий рокот —
это
 локомотив.
Он доносит
 издалёка-
издалёка
 мотив:
«В знаменах
 рыж,
идет
 Париж.
Жавель,
 Бельвиль,
штурмуй
 дворцы!
Огнем
 пальбы,
толпа,
 ворчи!»

Объявлена
Республика!..
Herr Gott!
Das war ein Schlagen,
das war ein Sieg
von einem Stück,
das war ein Wurf,
die Republik!
Und alles —
in drei Tagen!
Die Republik!
Die Republik!
Vive
la République!

Республика!
Республика!
Дворцам —
ружейных трелей град,
в руках рабочих
блещет штык,
и, начиная
этот стих,
берет бумагу
Фрейлиграт.
Die Republik!
Die Republik!
Vive
la République!

И Маркс идет
(— Das war ein Sieg!)
и Женни
в зимних туфельках.

На лицах их
фонарный блик.
И все друзья
сливают крик:
— Республика!
Республика!
— Vive
la République!

3

Бульвары выкружил
Брюссель
и ливнем
затопил.
И звезд парижских
карусель
взошла
из-за толпы.
И видит Маркс
лучи штыков
и факелов
зарю,
идет,
шагая широко,
булыжниками
рю.

Застыл часовыми
Maison de Roi,
а Мавр
по дороге
шепчет Женни:
— Борьба
еступает в свои права.

Этот пожар
 перекинется в Вену,
искрой
 в Берлин перекинется...

(Раз Карл говорит,
 так значит наверно,
и Женни
 глядит именинницей.)

4

Вот и дом —
 отсчитана
 лестница.

Пошел
 вверх дном
дом
 куралеситься.
Головами
 стукнулись,
полетели
 рукописи,
бюллетени,
 записи
полетели
 взапуски,
и с Лаурой
 пухленькой
закружился
 вмиг — — —
— Республика!
 Республика!
Vive la République!

Женни,
Мавр,
Лаура,
Женни — — —
за руки,
вправо
пошли в кружение.

Борода
ватная,
черная,
как деготь, —
хорошо
фатера
за бороду
подергать!

Комната
светится,
стол
заверчен, —
не только
в тезисах
радость человечья.

Вожжи
накручивай,
расчищай
площадку, —
Женни
за кучера,
Мавр
за лошадку.

Дочка
 обрадована:
по-ка-талась
на спине
 автора
«Капитала».

Даже у комнаты
 вид обрадованный.
И всюду —
 Марксовых рук швырки.
Так с пионерами,
 так с октябрятами —
наши
 старые большевики!

С .полок
 валится
Фейербах
 и Гегель.
Маркс
 на пальцах
по полу
 забегал.

И смех
 с его лица
сойти
 не может.
Он —
 комсомолец!
Нет!
 Моложе!

— Тпру!..

Стоп!

— Стой!

Стук...

Стук

в дверь.

— Кто тут?

Раз...

Два...

Нехорошая штука.

Чужих или дружеских

пальцев стук?

Тот стук

перестукался

с тысячью стуков,

и стуки

по стенам тюремным

растут..

Голос оттуда:

— Мсье Маркс,

я комиссар

королевской полиции. —

Отперта дверь.

И потом дымясь,

жандармы вошли

тараканолицы.

Комиссар оглянулся,

откашлялся в сторону,

вынул приказ,

глазами орля:

— Простите, мсье,

но вы

арестованы

именем короля!

VI

Чемоданы
 запакованы,
дети вкутаны
 в тепло,
капли
 бьются за подковами,
как разбитое стекло.

На вокзал —
 подковам цокать,
в лица —
 ветер от реки.
Плед потертый —
 через локоть,
Женни около руки.

Экипаж
 качается,
лошади —
 в танце.

Здесь
Брюссель кончается,
это — станция.

Маркс —
сильный:
сам без труда
с бельем
носильным
понес чемодан.

Смотрят
надуто
четыре стражника.
Площадка.
Кондуктор.
Билет — из бумажника.

Отмечено место...
В двери вагона
протискался Маркс.
Шипят пары.
В кармане письмо —
приглашение Флокона
в революционный Париж.
У поезда люди —
толпа провожатых.
Немецкий говор.
Движение. Смех.
Если глазами
всех пробежать их,
станет понятно —
вышлют всех,

Пар
 ввысь вдут,
дан свист,
 гуд...

Стекло
 рукою вытерши,
Маркс —
 впереди.
С перрона:
 — Auf Wiederschaun!
Счастливого
 пути!..

Поезд тронулся,
 пошел
от перрона —
 сам большой,
толкнул
 и затолкал,
буфера расковывал.
И поплыла
 вдаль толпа
и платки:
 — До скорого!..
Облака летят,
 опутав
горизонт
 в кружева.
Паровоза тень —
 как будто
котелок буржуа.

Маркс в окне,
 в летящей гари,
горизонт
 далек, дымён — —
там бегут
 колонны зарев
красным полчищем
 знамен.
Марксу видится,
 как будто
площадь
 еле жива.
Тенью лег
 на площадь бунта
котелок буржуа.
Ночь втянулась
 в рельс течение,
небо в дырах
 и в тенях —
будто
 черный круг мишени
раздырявил
 Кавеньяк.
Пролетели
 птицы три,
вплыл вороний
 крик.
Карлу в память
 втерся Трир
в иглах старых кирх.

Крыши всех домов —
 ферзи,
Мозель
 утром радужен,

шпили королей-
 верзил,
эндшпиль
 шпиля ратуши.

В дальней церкви
 дрогнул звон,
раскатились
 отзвуки,
и приплыл к вагону
 Бонн
залом библиотеки.

В память вдвинулся
 Берлин
в каске,
 в прусском глянце, —
дни,
 когда он забурился
с младогегельянами.

Запад в тучах,
 черен, слоист.
И у станций гудя,
грохоча
 несется поезд
неизвестно
 куда.
Вдалеке
 воронье
 «карр!..»

Сидя спит
 в вагоне
 Карл.
Вдруг проснулся,
 на скамье
спрашивает едущих:
— Что?
 Проехали Амьен?
— Нет еще.
 Следующий...
Взвизг рассветом
 синий пар.
Сидя спит
 товарищ Карл.

Гуд
 в кромешной темноте,
скрипы шпал
 от бремени...
Поезд
 вдруг
 сошел с путей
и пошел
 по времени.

Лучами вкось небосклон
 занесен,
и всплыло
 с востока солнце,
сияя Марксу
 в ресницы сквозь сон
орденом
 краснознаменца.

Вскочил —

и сразу с вопросом к соседям:
— Скоро Париж?

Скоро доедем?..

И голос ли это,

эхо ли —

отвечает на полном ходу:

— Париж?

Проехали
в семьдесят первом году.
Сейчас проезжаем

тридцать второй, —
в мельке годов и цифр —
поезд тихо
вполз на перрон
станции Столбцы...

Поезд толкнулся.

Уперся снова.

По окнам плывут пограничников
лица.

И видит Маркс

из окна поездного
лозунг:

«Социализм
сметет границы!»

Надпись:

«ТАМОЖНЯ».

Парень —

бодро:

— Товарищ,

можно

без осмотра.

Держите
туда,
видно
с мостка, —
вон там
города,
среди них
Москва! —

От Маркса отхлынуло
прошлое серое,
знакомой земли
прояснились черты, —
во весь разворот
разлеглась
Эсэсэсэрия
от станции Столпце
до самой Читы.
Дорогу
знаменами
город вымостил
к вокзалу Балтийскому,
в алых мазках — — —
выдумка Энгельса,
Марков вымысел,
качаясь домами,
вплыла Москва!

В Москве приготовились.
Малые дети
твердо знали,
что Маркс
приедет,

руками забрызгав,
 флажки заплескав —
встречают!
 Близко!
 Москва!
 Москва!

Я так и знал.
 Он здесь!
В каждом из нас
 Маркс есть.
Вытяни шелк,
 Масква!
Видишь — пришел
 Маркс к вам!

Маркса встречает
 солнцем-орденом
пятнадцатилетний
 город мой.
Входи
 в свою
 алофлагую родину,
в самое
 что ни на есть —
 домой!

Пятнадцать!
 Пятнадцать!
На всех домах
 Пятнадцать.
Если приподняться,
 езде горит Пятнадцать.

Электрические буквы
 про 15 говорят,
многотысячные руки
 взвили флаги, на парад!
Пятнадцать!
 Пятнадцать!
На всех губах:
 — Пятнадцать!
Надписи
 «Пятнадцать» —
 снимает аппарат.

Я стоял
 на балконе радио
и пялил бинокль
 к сетне за шелка,
и помню точно —
 меня взлихорадило,
когда к мавзолею
 Маркс зашагал.
Я вскинул «Лейку»,
 схватил аппаратом,
а снизу
 людей — хоть море залей.
Огромная площадь
 в квадратах парада,
волною мраморной
 взмыт мавзолей.

3

Маркс — на трибуне.
 В группе стоит,
волненья
 еще не осилил,—

блестят
 верхи.
Пошли греметь
 колесами
броневики.

А там, от музея,
 мимо трибун,
чуть атташе
 не наступивши на ноги,
двинулись,
 выпятив стальную губу,
тра-та-та-та-тататата танки.

*Строй дехкан
 показывает
Туркестан.
Армения,
 Абхазия,
в бурке стань:*

*Улицы —
 яблони,
небо —
 сад,
спелым
 дирижаблям
с него
 свисать:*

Скоро улицы
 в площадь вольются,
и Маркс говорит Ворошилову:
 — Да!
Вот я и мечтал
 о такой революции,
о такой
 диктатуре труда!..

И вот на площадь
 в удивительном вихре,
как пушечный
 вздулся
 в Кремле салют,
поплыли знамена,
 заводы,
 цифры...
Поднятый Марксом,
 двинулся люд.

*Мимо трибун,
за нами,
за нами
вздымают трубу
АМО,
Динамо!*

Фуражки в воздух
выше роста,
от каждой руки
летит по швырку.
Плакаты:
«Труд —
наша честь
и героизм!» —
улыбаются
Марксу-
большевику.

*Цифры
показывая,
оркестр,
греми!
«Общество
бесклассовое
строим мы!»*

Я вижу вблизи
друзей
разговаривающих
и мимо трибун
прохожу с толпой.
Сталин — Марксу:
— Ты видишь,
товарищ,
время,
предсказанное
тобой!.. —

*Негр
и британец,
флаг окрыля,
проходят,
братаясь,
мимо Кремля.*

И в эту разлитую
лицами яркость,
людям,
плакатам,
цифрам побед — — —
кричит с мавзоля
товарищ Маркс:
— Электрозаводцам
большевистский
привет! —

Подняты
ношлями
до самых неб—
самолеты
мощные
и ширпотреб.

Со всех плакатов,
с каждого места
плывут и пылают
слова «Манифеста».
И даже в колонне
районной сберкассы
слова «Манифеста»
взлетают над улицей:

Оркестровой
октавою
тишь рушь —
выкрики
картавые:
— Фронт
руж!

«Содрогайтесь,
господствующие классы,
перед
коммунистической революцией!
Смотрите на цифры эти,
на темпы,
на гул бесконечной
людской тесьмы.

Пролетарии
могут
потерять
свои цепи,
приобретут же они
весь мир!»

Несет
штыки колющие
армия
труда...
— Вот это —
революция!
Вот это —
да!

Знамена плывут
над миллионами масс —
вся площадь
въоркестрена в марш...

Правильно сказано,
товарищ Маркс:
мир
будет
наш!

*Отпечатано на 3-й фабрике книги Огиза
РСФСР треста «Полиграфкнига»
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.*

☆

*Тираж 10 000.
Уполномоченный Главлита Б-27525.
Огиз № 225, X-40. Зак. № 6373. Формат
бумаги $82 \times 111\frac{1}{16}$. Бум. листов $4\frac{1}{2}$.
по 51840 зн. 9 печ. л.*

☆

*Сдана в набор 10/XII 1932 г.
Подписана к печати 22/II 1933 г.*

☆

*Редактор В. Казин.
Технический редактор С. Симонов.
Художник А. Радищев.*